

Линь Дунцин обернулась и бросила на неё взгляд; её зрачки чуть дрогнули, и в следующий миг она уже встала с ложа и вышла за дверь.

Бай Цзиньжун в изнеможении упала на кровать, сжала ноги, даруя себе последнюю усладу, но в глубине её сердца царила бесконечная пустота.

Будь проклята эта Линь Дунцин!

В следующее мгновение Линь Дунцин снова появилась в дверях и крикнула:

— Быстро одевайся и ступай караулить!

Разъяренная Бай Цзиньжун схватила подушку и швырнула в неё. Линь Дунцин даже не увернулась, поймала её одной рукой, бросила в сторону и сурово зыркнула:

— Живо! Смотри у меня, продам в бордель!

— Позвала бы Цуэр, я не пойду! — хорохорилась на словах Бай Цзиньжун, но руки её уже сами собой одевались: как-никак, она не могла оставаться голой на постели Линь Дунцин.

— Быстро! Я ведь разозлюсь, — пригрозила Линь Дунцин. Увидев, что Бай Цзиньжун только-только натянула одежду, она схватила её за воротник и в два счёта выскочила наружу, приземлившись прямо во дворе Е Чжицю.

Внутри не горел свет — судя по всему, Е Чжицю уже легла спать.

— Жди снаружи. Если кто-нибудь войдёт, а ты проглядишь, я вырву тебе эти очи! — припугнула её Линь Дунцин. — Не смей клевать носом.

Линь Дунцин уже собралась уходить, но, заметив сквозь её нежную кожу румянец, похожий на лепестки пудры, и блеск в глазах, где еще не угасло остаточное опьянение страстью, она мимоходом ущипнула её за щеку и усмехнулась.

Привычным движением вдув в комнату усыпляющий дым, Линь Дунцин проскользнула внутрь и крепко обняла ту, о которой постоянно грезилa, — Е Чжицю.

Лунный свет за окном был тусклым, и разглядеть Е Чжицю толком не удавалось, поэтому она тайком зажгла свечу, молча любуясь её безмятежным лицом во сне, прижимая к груди, целуя и покусывая, желая буквально растворить её в своих объятиях.

Прождав до второй половины ночи и заметив, что Линь Дунцин всё еще не выходит, Бай

Цзиньжун тихонько подошла к окну и заглянула внутрь.

Бай Цзиньжун невольно вздохнула: с таким одержимым нравом искоренить в ней это злое начало будет поистине тяжело.

Тихий плеск воды заставил Бай Цзиньжун покраснеть до кончиков ушей. Она подумала про себя, что с ней-то Линь Дунцин никогда так не обращалась — судя по всему, к этой своей сестричке Чжицю она и впрямь испытывала самые искренние чувства.

Насытившись сполна, Линь Дунцин не смела продолжать, смертельно боясь, что назавтра обнаружатся следы её безумств.

Желание обладать Е Чжицю настигало её лавиной, но в то же время она страшилась быть разоблаченной.

Только после этого Линь Дунцин бережно одела Е Чжицю обратно и в полном удовлетворении удалилась.

В прекрасном расположении духа Линь Дунцин приобняла Бай Цзиньжун, от которой разило сладковатой свежестью Е Чжицю. Брезгливо отпрянув, Бай Цзиньжун со всех ног бросилась бечь.

Линь Дунцин вскочила на балку, сняла оружейный ящик, достала свой любимый меч и проплясала с ним во дворе всю ночь напролёт — сразу было видно, как сильно она была счастлива.

Днём Линь Дунцин как следует выпалась. Почувствовав, что время пришло, она переоделась, закинула на плечо меч и с беззаботным видом отправилась на назначенную встречу.

— Ты еще кто такая? Я договаривался со зловещим главой Виллы Пересекающихся Мечей Линь Цзяньхэном, — нахмурившись, произнес Фэн Линь, разглядывая стоявшую перед ним развязанную девчонку.

— Мой наставник испугался, что в Цзяньху сочтут, будто он притесняет младших силой зрелых лет, да и наш глава тоже опасается обвинений в старости против юности, так что он велел мне, ученице-полуночке, с тобой посчитаться, — Линь Дунцин зажала в зубах травинку, вытащила меч и указала на него. — Доставай оружие, ты еще не дорос до поединка с главой.

Фэн Линь пришел в ярость:

— Тогда я преподам тебе хорошенький урок!

Вспышки клинков и мелькание теней смешались воедино. Свирепый стиль меча Линь Дунцин разил наотмашь, вырывая победу на грани гибели. Каждый раз, когда Фэн Линь думал, что загнал её в тупик и ей не увернуться, она скользила прямо вдоль лезвия, словно вездесущая ядовитая змея.

Не отступая перед острием, она, напротив, обвивалась вокруг него, оплетала твои ноги и запястья, а зазеваешься — впивалась клинком тебе в горло.

Обменявшись сотней ударов, Линь Дунцин подцепила кончиком меча его запястье, и длинный меч со звоном упал на землю.

— Это я проиграл, — Фэн Линь в растерянности отступил на два шага и сложил руки в приветствии. — Не подскажите ли имя благородной героини?

— Полноте, — Линь Дунцин вернула меч в ножны и отмахнулась. — Я же сказала: безымянная соринка из семьи Линь, не стоит и запоминать. А вот твоему старику передай: в Цзянху молодые сменяют старых, так что пусть не растеряет всю свою былую славу под старость лет.

— Ты! — Фэн Линь от гнева едва не задохнулся ругательствами, но Линь Дунцин уже развернулась и в несколько прыжков скрылась из виду.

Едва Фэн Линь ушел, лицо Линь Дунцин изменилось. Зажав рот рукой, она зашлась кашлем, выплевывая кровь, а её правая рука крупно дрожала.

Когда Фэн Линь пересказал эти слова Цан Лану, тот от ярости разбил чашку, затряс седой бородой и чуть не отдал Богу душу.

Весть о том, что Фэн Линь проиграл безымянному новичку из клана Линь, мгновенно разлетелась по всему Цзянху, потрясая все секты и школы.

Все полагали, что после кончины старого главы Линь Хуаньшэна Вилла Пересекающихся Мечей уже никогда не поднимется, но оказалось, что в семье Линь таланты не переводятся: сначала был одаренный небесами Линь Цзяньхэн, а теперь появилась новая поросль, да еще и женского пола.

Однако, проиграв женщине, Фэн Линь вовсе не чувствовал себя униженным — напротив, он щедро расточал ей похвалы, заявляя, что соперницу вполне можно назвать восходящей звездой Цзянху.

Линь Дунцин никогда не показывалась в Цзянху, а потому боевой мир не знал её имени.

К тому же, когда много лет назад старый глава принес её на виллу, всё было обставлено втайне от чужих глаз, и многие посторонние, включая даже вторую барышню, ничего не ведали.

Линь Дунцин было наплевать на это. Она была согласна вечно оставаться в стенах семьи Линь, не ступая в Цзянху хоть всю жизнь — лишь бы в клане Линь была её сестричка Чжицю.

— Маленькая дурочка, идем со мной к сестричке Чжицю, — прихватив с собой коробку с едой, Линь Дунцин потащила за собой Бай Цзиньжун и увидела, что Линь Цзяньхэн как раз вышел из затвора и во дворе о чем-то весело беседовал, обнимая Е Чжицю.

Линь Дунцин на мгновение замерла, а затем язвительно бросила:

— На этот раз старший братец вышел из затвора на редкость быстро. Интересно, чего такого он постиг?

Линь Цзяньхэн помрачнел, отвечать не стал и лишь холодно бросил:

— Пока я был в затворе, ты победила Фэн Линя и вернула честь нашей вилле. Отличная работа, ты поистине стоишь звания второй барышни Виллы Мечей.

— Надеюсь, братец сдержит слово, — Линь Дунцин опустила коробку с едой и произнесла ледяным тоном. — И чтобы в будущем не возникало нужды снова меня упрашивать.

— Что за тон?! — нахмурился Линь Цзяньхэн. — Виллу мечей оставил нам отец, она принадлежит и тебе тоже.

— Да плевать мне на виллу, — Линь Дунцин посмотрела на него. — Братец прекрасно знает, что именно мне важно.

На следующий день Линь Цзяньхэн увез Е Чжицю на семейные горячие источники в загородное поместье.

Узнав об этом, Линь Дунцин пришла в бешенство, а так как их отлучка затянулась больше чем на месяц, запертая на вилле Линь Дунцин металась из угла в угол, точно загнанная в тупик муха.

— Давай сначала поедим, — Бай Цзиньжун расставила блюда и, глядя на то, как Линь Дунцин вяло прислонилась к стене, промолвила: — Ты ведь совсем исхудала.

Она попыталась её утешить:

— Твой старший брат и невестка в конце концов вернутся, не стоит так убиваться.

Проведя несколько ночей без сна, Линь Дунцин смотрела на мир налитыми кровью, алыми

глазами. Запрокинув голову, она сделала большой глоток вина:

— Он сделал это специально! Он просто хочет, чтобы я больше никогда не увидела сестричку Чжицю!

— Хватит пить, садись за стол, — Бай Цзиньжун попыталась выхватить у неё кубок, но Линь Дунцин с легкостью увернулась. — Не путайся под ногами.

Третья жизнь.

Бай Цзиньжун про себя тяжело вздохнула, тихонько притянула её руку к своему лицу и, заглянув в глаза, позвала:

— Дунцин.

Раньше стоило ей сделать хоть малейшее интимное движение, как Линь Дунцин тут же валила её на ложе и начинала бесчинствовать.

Но нынче Линь Дунцин отбросила её руку и глухо бросила:

— Ты — не она, понимаешь?

Бай Цзиньжун медленно выдохнула. Она не злилась — ни капельки не злилась.

— Неужели ты думаешь, что так будет продолжаться вечно? Приближаться к ней лишь тогда, когда усыпишь Е Чжицю — разве могут такие отношения иметь будущее? — Бай Цзиньжун снова взяла её за руку. — Дунцин, посмотри на меня, я живая, я стою прямо перед тобой, и если ты захочешь, я стану твоей.

— Чушь собачья! Твой контракт на продажу в моих руках, захочу я или нет, а ты и так моя, — усмехнулась Линь Дунцин, доведя Бай Цзиньжун до желания влить ей пощёчину.

Линь Дунцин была пьяна в стельку. Отуманенным взором уставившись в пустоту перед собой покрасневшими глазами и подперев голову рукой, она медленно проговорила:

— Маленькая дурочка, как по-твоему, есть ли у моего братца хоть шанс на победу в схватке с Цан Ланом?

Бай Цзиньжун покачала головой:

— Я не знаю.

Линь Дунцин горько усмехнулась:

— Да он вовсе не соперник Цан Лану! Он не может победить даже Фэн Линя или мечников Фусана, а бой с Цан Ланом — это верная смерть.

— Смерть... — повторила Линь Дунцин, внезапно рассмеявшись, и в её налитых кровью глазах проступило злое выражение. — Было бы здорово, если бы он сдох.

Бай Цзиньжун зажала рот рукой, охваченная ужасом. Она никак не ожидала, что одержимость Линь Дунцин Е Чжицю зашла столь далеко — это было паранойей, помрачением рассудка, от которого невозможно избавиться.

Еще больший крах она ощущала от того, что пошла на всё, даже отдала ей свое тело, но это не возымело ни малейшего толка в деле искоренения её злобных помыслов.

Потери колоссальные, — с кровью на сердце тоскливо подумала Бай Цзиньжун, — знала бы я заранее — ни за что бы не отдалась.

День начала зимы был сроком десятилетнего договора с Сектой Десяти Тысяч Мечей.

Линь Цзяньхэн в конце концов привез Е Чжицю обратно.

Его правая рука была ранена Фэн Линем и без того плохо слушалась, а учитывая, что его боевое искусство уступало даже Фэн Линю, о противостоянии с Цан Ланом нечего было и говорить.

Ради чести Виллы Пересекающихся Мечей Линь Цзяньхэну пришлось идти на поклон к Линь Дунцин и просить её выступить за него.

— Не пойду, — холодно ответила Линь Дунцин. — Цан Лан — сильнейший мастер Цзяньху, его боевое искусство почти не уступает отцовскому, и отправляться туда на бой — значит не знать, выживешь ли.

— Десятилетний договор заключил наш отец, неужели ты не хочешь, чтобы он обрел покой на том свете? — помрачнев, произнес Линь Цзяньхэн. — Я ранен, и мое мастерство ниже твоего. Только ты способна сразиться с Цан Ланом.

Линь Дунцин холодно усмехнулась:

— Старший брат спит и видит, как я отправлюсь на бой и сложу там голову, чтобы избавиться от меня и вздохнуть спокойно, не так ли?

— Ты моя сестра! — повысил голос Линь Цзяньхэн. — Никто не желает тебе смерти!

— Короче говоря, об этом не может быть и речи, я никуда не пойду, — лицо Линь Дунцин оставалось суровым. — Чтобы найти хоть брешь в приемах Фэн Линя, мне потребовалась сотня ударов, но Цан Лан превосходит его мастерством, да к тому же обладает колоссальной внутренней энергией. Если за сотню ударов я не найду его уязвимого места, то непременно погибну!

— Отец говорил, что ты одарена небесами, владение мечом семьи Линь давно достигло совершенства, а меч семьи Линь — это Первый Меч Поднебесной! — в панике воскликнул Линь Цзяньхэн. — Неужели ты хочешь, чтобы табличка Первого Меча Поднебесной была уничтожена в моих руках?!

Линь Цзяньхэн взял себя в руки, покосился на нее и вымолвил:

— Тебе нужна Чжицю, верно? Все твои отговорки — лишь из-за того, что ты хочешь заполучить её?

Линь Дунцин на мгновение замерла. Она-то изначально собиралась заставить самого Линь Цзяньхэна выйти на поединок, но, услышав это, внутренне встрепенулась и холодно бросила:

— Ну и что с того?

Линь Цзяньхэн опустил глаза и медленно сжал кулаки:

— Если ты одолеешь Цан Лана, я больше не стану вмешиваться в то, что ты творишь с Чжицю.

— Ты и впрямь отдашь мне сестричку Чжицю?! — глаза Линь Дунцин ярко засияли. — Слово мужчины тверже камня?

Стоит ей выиграть этот бой, и все секты Цзянху убоятся Виллы Пересекающихся Мечей. Никто больше не осмелится бросить вызов Первому Мечу Поднебесной, способному победить главу Секты Десяти Тысяч Мечей!

В глазах Линь Цзяньхэна пылал огонь, и он медленно кивнул:

— Слово тверже камня.

С суровым видом Линь Дунцин ответила:

— Ради Чжицю я выложусь в бою на все сто. — Она посмотрела на Линь Цзяньхэн. — Смотри

мне, больше не нарушай обещаний.

Лежавшая во внутренних покоях Е Чжицю открыла глаза, и из них градом полились слёзы.

Поскольку она сегодня плохо себя чувствовала, то легла пораньше.

Тао Жань думала, что она в передней комнате, и после расспросов Линь Цзяньхэна они без задней мысли вели этот разговор при Линь Дунцин, совершенно не подозревая, что Е Чжицю слышит каждое слово.

Отягощенные мыслями, оба собеседника разошлись.

Е Чжицю приподнялась на ложе, зажала рот рукой и тихонько заплакала.

У Линь Дунцин не было шансов на победу в схватке с Цан Ланом — в конце концов, разница в их внутренней силе была слишком очевидна. Даже при её плавных и смертоносных ударах, если Цан Лан прижмет её мощной внутренней энергией, ей не выстоять.

Это было всё равно что поединок тигра с обезьяной: сколь бы ни была та проворна и гибка, ускользнуть от тигриных лап невероятно трудно.

Но это был её шанс завладеть Е Чжицю, и она не упустит его.

— Решилась? — спросила Бай Цзиньжун, протягивая ей чашку чая.

Линь Дунцин с удивлением посмотрела на неё: с чего это маленькая дурочка заговорила столь нормальным тоном?

— Решилась, — лениво сделав глоток чая, Линь Дунцин сочувственно взглянула на неё. — Если я не вернусь, иди к госпоже и попроси сделать тебя простой служанкой, что стирает белье да полы моет, хоть не продадут на сторону.

— О себе лучше поухаживай, — разгневанная Бай Цзиньжун развернулась и выбежала прочь.

Если Линь Дунцин потеряет жизнь в этом поединке, все её труды пойдут прахом, а если придется начинать всё сначала — ей снова придется терпеть издевательства. Стоило вспомнить, насколько мерзкой Линь Дунцин была в постели в этой жизни, как та испытывала глубочайшее сожаление.

О десятилетнем поединке знало всё Цзянху, однако Вилла Пересекающихся Мечей вела себя крайне сдержанно, никого не подпуская близко.

Местом для дуэли была назначена вершина Горы Громовой Бездны прямо перед Виллой Пересекающихся Мечей. У подножия горы дежурили люди с виллы и ученики Секты Десяти Тысяч Мечей, приглядывая друг за другом, чтобы исключить любые хитрости.

Облаченная в одежды Линь Цзяньхэна и укрыв лицо вуалью, Линь Дунцин под покровом ночи ступила на склон горы, а следом за ней неотступно следовал Цан Лан.

Ученики с обеих сторон оцепили подножие.

Линь Цзяньхэн, Линь Хуаньюнь и прочие старшие члены клана Линь в тревоге ожидали в главном зале.

Е Чжицю скосила глаза на Линь Цзяньхэна, её взгляд затрепетал, она опустила голову, погрузившись в оцепенение, а на глазах выступили немые слезы.

Линь Цзяньхэн не замечал странностей Е Чжицю — все его мысли были заняты тревожным ожиданием.

Стоит одержать победу в сегодняшнем бою, и Виллу Мечей вновь зауважают так, что никто больше не посмеет бросить ей вызов.

На вершине Горы Громовой Бездны...

У Цан Лана серебряные волосы и борода, а его меч «Лазурная Луна» в руках превратился в мириады иллюзий. Лунный свет струился подобно раскаленным нитям клинков, густой сетью оплетая пространство вокруг.

Среди черных одежд Линь Дунцин ярко горели лишь глаза. Сосредоточившись до предела и не смея проявить ни малейшей беспечности, она лавировала в сплетенных Цан Ланом многослойных сетях мечей.

— Девчонка резвая, а сообразительность хороша! — тяжело рывкнул Цан Лан, вложив силу в запястье, и на неё обрушилась мощь грома.

Линь Дунцин обладала невероятным талантом и высочайшим пониманием сути вещей: квинтэссенция меча семьи Линь и методы культивации уже проникли в её тело и разум. Применяя технику владения мечом, она сливалась с ним воедино. И хотя её внутренняя сила уступала мощи Цан Лана, световые вспышки клинка были столь ядовитыми, свирепыми и стремительными, что напоминали стаи извивающихся змей, целящихся в самые незащищенные места Цан Лана.

Однако Цан Лан был в годах, и его реакция уже уступала её ловкости. В суматохе лезвие её меча мазнуло по его рукаву. Вспыхнув гневом, старик резко пустил в ход ци: полы его одежд

раздулись, вокруг тела вихрями завертелись потоки воздуха, устремляясь к ладоням, и он обрушил на неё тяжелый удар мечом, полностью разрушив мириады сменяющих друг друга мечных теней Линь Дунцин своей сокрушительной внутренней силой.

Линь Дунцин с шагом назад покачнулась, её рука, сжимавшая меч, задрожала, в горле зашипало, а во рту отчетливо запахло кровью.

— Если Линь Хуаньшэн вырастил такого сына, он может умереть без сожалений! — мрачно произнес Цан Лан. — Малец! Старик больше не станет сдерживаться! Сейчас самое время признать поражение!

Пальцы Линь Дунцин медленно, один за другим, сильнее сжали рукоять. Вокруг неё взметнулась буря ци — бесстрашная и несокрушимая, сияние клинка источало яростную жажду битвы, а мощные потоки энергии разметали опавшую листву по всей округе.

Эта грозная жажда битвы и убийственная аура ударили прямо в лицо Цан Лана, заставив его щеки покалывать от боли.

Длинный меч дважды стремительно сверкнул, и на третий раз острие ослепительно вспыхнуло. Линь Дунцин взмыла в воздух, обрушив на Цан Лан десять острых мечных лучей — истинное и ложное сплелось так, что разобрать было невозможно.

Выражение лица Цан Лана слегка омрачилось. Влив истинную ци в ладони и перевернув правое запястье, он приклеил её острие к собственному клинку и сделал ответный выпад прямо в горло.

Острие рассекло пустоту — меч Цан Лана промахнулся, а Линь Дунцин внезапно оказалась прямо перед ним, применив искуснейшую технику шагов для стремительного укола на короткой дистанции.

Цан Лан содрогнулся. Мощная ци из его левой ладони, всколыхнув грудь, бушующим потоком хлынула в ладонь, и он ударил ладонью в её левое плечо. Порыв ветра сорвал с неё вуаль, Линь Дунцин отпрянула назад, успев кончиком меча распороть левый рукав Цан Лана.

Лента на волосах разорвалась, Линь Дунцин с распущенными прядями опустилась на одно колено, опираясь на меч, и выплюнула полный рот крови. Подняв глаза, она увидела мир сквозь алую пелену.

— Женщина?! Ты не Линь Цзяньхэн! — в голосе Цан Лана звучали изумление и гнев. — Кто ты такая?!

Еще больше Цан Лана потрясло то, что если бы не десятилетия накопленной мощной внутренней силы, с помощью которой он силой отбросил противника, то от только что

нанесенного удара его сухожилия и меридианы на левой руке были бы повреждены.

И пострадал он не от рук главы Виллы Пересекающихся Мечей, а едва не поплатился от удара этой никому не известной девчонки!

— Всего лишь безымянная соринка с Виллы Пересекающихся Мечей, — опираясь на меч, Линь Дунцин поднялась на ноги. Ци внутри бушевала, и она снова выплюнула кровь.

— У тебя старые раны, — сузив глаза, произнес Цан Лан. — Это ты одолела Фэн Линя? Его разбивающая волны ци повредила твои меридианы.

— Хватит болтать, старик, сегодня я буду биться с тобой насмерть! — Линь Дунцин медленно сжала рукоять меча, глядя на него. — Ну и что, что не Линь Цзяньхэн? Любой член семьи Линь, кто победит тебя, годится для этого.

Цан Лан громко рассмеялся:

— Герои рождаются в молодости! Что за дерзкая девчонка!

Эта глава выдалась подлиннее, да и откровенных сцен тут побольше, хо-хо-хо!

Третья жизнь.

Заведя руки за спину и задрав голову, Цан Лан посмотрел на неё:

— Девчонка, у тебя старые раны, старик не станет тебя притеснять. Даю тебе год сроку — в следующем году в этот же день встретимся здесь и решим, кто сильнее!

Взгляд Цан Лана был тяжелым и мрачным:

— Не забывай, это смертельный договор, который старик заключил с Линь Хуаньшэном — битва насмерть, так что хорошенько подумай.

Даже если ты не придешь, в Цзянху никто слова против не скажет, — Цан Лан медленно развернулся и зашагал к подножию горы.

— Смертельный так смертельный, в следующем году я непременно явлюсь! — гордо крикнула Линь Дунцин. — Старик, смотри мне, доживи до следующего года!

Цан Лан споткнулся на ходу, покачал головой, громко рассмеялся и умчался прочь.

Добравшись до подножия, он обернулся к толпе ожидавших и гордо произнес:

— Вилла Пересекающихся Мечей и впрямь заставила меня взглянуть на себя по-новому.

— Итог сегодняшнего боя — ничья.

Для Цан Лана, бывшего противника Линь Хуаньшэна и владыки Цзянху, свести битву с главой Секты Десяти Тысяч Мечей вничью уже считалось невероятной честью для Виллы Пересекающихся Мечей.

Тем более что Линь Цзяньхэн находился в самом расцвете сил, и в сравнении со стареющим Цан Ланом его будущее сулило куда больше перспектив.

Весть быстро долетела до Виллы Мечей. Прибежавший с докладом доверенный слуга принес радостную весть, и Линь Цзяньхэн громко рассмеялся, но, заметив поникшую голову Е Чжицю, вновь умолк.

Приглашенная в зал Линь Дунцин с мечом в руках лениво опустилась рядом с Е Чжицю. Её лицо было мертвенно-бледным, но, бросив лишь один взгляд на Линь Цзяньхэна, она через силу протянула:

— Старший брат, я жду твоего обещания.

Линь Цзяньхэн сжал кулак и медленно кивнул:

— Брат обещал тебе, и слово моё твердо.

Линь Дунцин широко улыбнулась, достала из-за пазухи платок, прикрыла рот и дважды кашлянула, завернув в него кровь и сунув обратно за пазуху, после чего хрипло бросила:

— Подайте чаю.

<http://bllate.org/book/21201/2145994>